
Я не ведьма,
я в МФЦ работаю!
МФЦ
мои документы
ОКНО
26 → ТАША
27
28
29
Тетрадь
Стихи
от Глыбы
Таша
специалист
по всему
СПРАВКИ
ЗАЯВЛЕНИЯ
ОТКАЗЫ
МАГИЯ
(НЕ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ)
Спокойствие
Окно №26
Татьяна Лив

Татьяна Лив

Я не ведьма, я в МФЦ работаю!

https://litres.ru/73876613
SelfPub; 2026

Аннотация

Я провела полную редактуру книги. Теперь во всех главах главную героиню зовут Татьяна Петровна Коржикова, её вес — 90 кг, рост — 160 см. Все упоминания имени и физических параметров героини приведены к единому варианту.

Добро пожаловать в Липецк — город, где трубы поют, эльфы жалуются на экологию, а магия бессильна перед обеденным перерывом!

Татьяна Петровна Коржикова, ведущий специалист МФЦ, привыкла ко всему. В её окне 26 тролли регистрируют стихи о бетономешалках, а домовые качают права. Но когда из кранов начинает течь молодильная вода, тролли требуют зарегистрировать стихи, а кот Файл принимается комментировать её личную жизнь, даже железное спокойствие Таты даёт трещину.

Древний Источник пробудился, и теперь Липецку грозит превращение в первобытный лес!

Вместе с суровым инженером Семёном, вооружённым синей изолентой, Тате предстоит спасти город.

Ведь если магия нарушает законы физики, её нужно заставить соблюдать регламент!

Содержание

Глава 1. «Окно номер двадцать шесть открывается в восемь нуль-нуль» 4
Глава 2. Заявление по форме 7-М, подпункт Ж — жалоба 18
Глава 3. «Горводоканал предупреждает» 32
Глава 4. «Кот заговорил — день не задался» 47
Глава 5. «Совещание, которое всё изменило» 65
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Татьяна Лив
Я не ведьма, я в МФЦ работаю!

Глава 1. «Окно номер двадцать шесть открывается в восемь нуль-нуль»

Будильник зазвенел в шесть утра.

— Мяу, — сказал Файл, приземляясь Тате на грудь.

— Я знаю, — пробормотала она, не открывая глаз. — Завтрак. Сейчас.

— Мяу, — повторил кот. Настойчивее.

— Файл, ты весишь три кило. Почему давишь на все двадцать?

Кот не ответил. Просто сел поудобнее и начал мурлыкать — вибрация проходила через рёбра, как маленькое землетрясение. Его когти начали впиваться в кожу, стало неприятно. Тата вздохнула, спихнула его и села. Нашарила тапки. Левый нашёлся сразу, правый прятался под кроватью — как обычно.

В ванной она задела бедром дверной косяк.

—Черт! Больно.

Квартира вроде нормальная, но по утрам мебель словно сдвигалась ближе, возможно из-за личной неприязни.

— Нормально всё, — сообщила она зеркалу. — Лицо на месте. Подбородок... тоже на месте. Девяносто кило запаса прочности. Пока эльфы падают в обморок от запаха шаурмы, я могу отработать два приёма и не сдохнуть. При росте всего сто шестьдесят сантиметров это был весьма солидный запас прочности.

Двадцать лет назад бурильщики НЛМК случайно вскрыли древний подземный источник. Искали воду для цехов, а нашли жидкую магию. Вода оказалась омолаживающей, из-за неё Липецк мутировал из города металлургов в магическую столицу, население перевалило за миллион, а в город набежали эльфы, гномы, тролли и прочие граждане с нестандартным метаболизмом из параллельных щелей, из-за прорыва каких-то там тонких материй.

Тата эту воду принципиально не пила.

— Мне и так хорошо, — сказала она отражению. — В двадцать я была дурой в неудобных джинсах. В тридцать четыре у меня кардиган с карманами и стабильная психика. Зачем мне обратно?

Зеркало не спорило.

На кухне Файл сидел у миски с видом политзаключённого.

— Не смотри на меня так, — Тата насыпала корм. — Ты ешь лучше, чем половина моих посетителей.

Завтрак: чай, два бутерброда с сыром, яблоко. Первый бутерброд — разведка. Второй — спецоперация. Его она завернула и сунула в карман кардигана.

Кактусы на подоконнике. Иванов, Петров и Сидоров. Сидоров опять завалился набок.

— Сидоров, соберись! Понедельник. Всем тяжело.

Из крана капнуло. Капля была голубоватой. Тата не заметила — опаздывала.

На остановке у автостанции «Сокол» было людно. Подошла 324-я маршрутка. Дверь открылась.

— Нет, — сказала Тата.

Внутри было месиво из эльфийских тубусов, арф и веток в горшках. Где-то в глубине салона тихо страдала женщина с лицом человека, давно примирился со смертью.

— Я женщина компактных моральных принципов, — пробормотала Тата, отступая, — но не до такой степени.

Подошёл 315-й. Почти пустой. Кайф. Тата села у окна.

Мимо поплыл Хлебозавод. Запахло булками.

— Издеваются, — буркнула она. — Весь город печёт назло моей фигуре.

Педагогический университет, с вечно толпящимися студентами на остановке. Площадь Революции. Пробка у площади Победы. На своей остановке Тата вышла и посмотрела на здание МФЦ.

Проспект Победы, 6а. Стеклянный, большой. С дурацким пандусом. Место, где регламент победил здравый смысл и

заставил его расписаться в получении копии.

Тата любила это место. По-своему.

У входа стоял Руслан Ибрагимович. Охранник. Бывший борец. Кивнул.

Тата кивнула в ответ.

Ритуал соблюдён.

— Коржикова! — прилетело сверху. Зарина Маратовна Кац стояла на лестнице, маленькая и прямая, как восклицательный знак.

— Доброе утро, Зарина Маратовна.

— Для кого доброе? Планёрка через минуту. И где Ворон?

— Не видела.

— Если он опять снимает тикток на парковке, я его уволю.

— Вы это каждый понедельник говорите.

— И каждый понедельник жалею, что не сделала этого в пятницу. Марш в переговорку.

В переговорке уже сидели: Нина Павловна Сушкова — тихая, серая, разговаривала с пустым стулом рядом; две девочки-стажёрки — испуганно таращились, несколько коллег из соседних окон.

Лёха Ворон влетел последним. Кеды, телефон, виноватая улыбка.

— Ворон, — Зарина даже не повернулась. — Опять опоздал. Причина?

— Зарина Маратовна, там на парковке орк паркует грузо-

вик и у него не работает поворотник, я просто...

— Снимал тикток?

— Нет! Ну... частично. Но там реально смешной орк. Он пытался объяснить инспектору, что у орков поворотники не предусмотрены культурно.

— Ворон, если я ещё раз увижу твой телефон в рабочее время, я скормлю его домовому.

— Василий Петрович не ест электронику, — робко возразил Лёха.

— Значит, скормлю тебя.

Лёха открыл было рот…помолчал и закрыл обратно. Зарина раскрыла ежедневник.

— Так. Сегодня. Окна один-пятнадцать — обычный приём, ничего сложного. Окна шестнадцать-двадцать — Ворон, у тебя перерегистрация партии гномов с НЛМК, не напутай с фамилиями, у них все через «зад» и это не оскорбление, а родовое имя.

— Я знаю, — кивнул Лёха

— Знаешь, но в прошлый раз написал «Железнозадов» через «о». Бронк чуть стол не перевернул.

— Это была опечатка!

— Опечатка стоила нам новой столешницы. Дальше. Нина Павловна, окно двадцать четыре, у вас три призрака на приём, один хочет оформить завещание посмертно.

— Он уже в коридоре ждёт, — тихо сказала Нина Павловна. — Нервничает. Говорит, при жизни в очереди насиделся,

не хочет и после смерти.

— Понимаю его. Коржикова, окно двадцать шесть, у тебя... — Зарина заглянула в список и вздохнула, — Глыба.

— Опять?

— Опять. Со стихами.

— Господи.

— И ещё. В подвале трубы гудят. Синий конденсат на полу, домовой жалуется. Горводоканал обещал прислать инженера. Как появится — спустишься с ним, составишь акт.

— Почему я?

— Потому что ты единственная, кто не паникует при виде коммунальных аварий и сантехников. Вопросы? Вопросов нет. Работаем.

Нина Павловна задержала Тату у двери.

— Таточка, — шепнула она, — призрак из подвала говорит, что трубы ночью пели.

— Что пели?

— Он не разобрал. Но говорит, фальшивили.

— Спасибо, Нина Павловна.

— Ещё он говорит, что вода в подвале стала синей и пахнет как в санатории. Но он умер в шестьдесят первом, так что его обоняние... спорное.

Окно двадцать шесть. Самое дальнее. «Сложные случаи». Коллеги называли ее окно по разному : «ад», «цирк», «окно судного дня», «Коржикова, ты святая». Сама Тата называла просто – работа. На столе все лежало ровно: бланки, печать,

степлер, лягушка из фарфора, кружка «Спокойствие. Только спокойствие. И копия паспорта». В кресле для посетителей действительно уже сидел тролль Глыба.

Огромный. Серый. В оранжевом жилете грузчика.

— Здравствуйте, Глыба. Что оформляем?

— Татьяна Петровна, — монитор дрогнул от его голоса. — Авторское право. На стихи.

— Стихи?

— На бетономешалку. Поэма. Лирическая.

— Покажите. — Тата моргнула, вздохнула, но виду не подала.

Глыба протянул тетрадь. На обложке крупными буквами значилось: «Поэма о любви к бетономешалке. Посвящается всем, кто крутится».

Тата открыла.

— «Твой барабан, как сердце стройки, стучит в цементной тишине...» — она кашлянула. — Ага.

— Там дальше лучше. Про арматуру как символ внутреннего стержня. — смущенно сказал Глыба.

— Верю. Глыба, проблема в том, что по закону двенадцатого года у троллей ограниченная творческая правоспособность.

— Это дискриминация, — обиделся Глыба.

— Это правовая коллизия. Но мы попробуем её обойти.

— Как?

— Ваша поэма описывает рабочий процесс бетономешал-

ки?

— Ну... там щебень, цемент, вращение, усталость смены и один очень сильный образ раствора как брака по любви.

— Отлично. Тогда оформим как методический материал производственного назначения с элементами художественного осмысления трудового процесса. Форма 14-Б. На методички ограничений по расам нет.

— Это... можно?

— Можно всё, если знать, какой бланк подсунуть.

За спиной Таты что-то зашуршало. Из-за архивного шкафа высунулась лохматая рука и аккуратно положила на край стола пожелтевший листок.

— Василий Петрович, — не оборачиваясь, сказала Тата. — Спасибо.

— Случайно нашёл, Татьяна Петровна, — раздался из-за шкафа сиплый голосок. — Совершенно случайно. Лежал тут с две тысячи четырнадцатого года, никто не брал.

Тата посмотрела на листок. Подзаконный акт о расширении категорий творческой деятельности для нечеловеческих рас. Именно то, что нужно.

— Василий Петрович, вы — сокровище.

— Я домовой, — проворчал голос. — Но от печеньки не откажусь. Потом оставь на подоконнике. Овсяную. Только не шоколадную, от шоколадной у меня изжога.

Глыба наблюдал за этим с открытым ртом.

— Это... нормально? — спросил он.

— Для окна двадцать шесть — абсолютно, — кивнула Тата. — Подпись ставьте здесь, здесь и здесь.

Глыба взял ручку двумя пальцами и вдруг замер.

— Татьяна Петровна.

— Да?

— Вы необыкновенная женщина.

— Не начинайте, — предупредила строго Тата.

— Надёжная. Как кран. Башенный. В смысле... значительная.

Тата подняла глаза от клавиатуры.

— Глыба, я сейчас запишу вас в категорию социально опасных романтиков.

— Простите.

— Пишите заявление.

В обед Тата забилась в подсобку с контейнером пасты. Единственное место, где можно спокойно поесть. Если повезёт.

Не повезло.

Дверь приоткрылась. В щель просунулся телефон, а за ним — физиономия Лёхи.

— Тата, ты так аппетитно ешь! — весело сказал Леха. — Мне подписчики за такой контент доплатят.

— Лёха, я тебя уволю.

— Ты не можешь, ты мне не начальник.

— Я скажу Зарине, что ты вчера напечатал «Эльриэль» через «е».

Лёха побледнел.

— Ты не посмеешь.

— Посмею. Она тебя за «Железнозадова» через «о» чуть не убила. А тут эльфийское имя. Это уже международный скандал.

— Межрасовый.

— Ещё хуже. Закрой дверь с той стороны.

Лёха исчез. Тата вернулась к пасте.

Через минуту в подсобку заглянула Нина Павловна с двумя кружками чая.

— Таточка, я подумала, тебе пригодится. — тихо сказала Нина Павловна.

— Нина Павловна, вы — ангел.

— Ангелов у нас в штате нет. Пока. Хотя Зарина Маратовна подавала заявку. Нина Павловна села рядом и понизила голос.

— Таточка, я серьёзно. Призрак из подвала в панике. Говорит, ночью вода поднялась на два сантиметра и светилась.

— Светилась?

— Голубым. Он испугался, а он уже шестьдесят лет как мёртвый, его не так просто напугать.

— Может, показалось?

— Может. Но Василий Петрович тоже жалуется. Говорит, у него волосы электризуются от того, что в трубах. И ещё...

— Что?

— Домовой говорит, что трубы не просто гудят. Они по-

ют. Тихо, невнятно, но поют.

— Трубы. Поют

— Я передаю, что мне сказали. Верить или нет — дело твоё.

Тата допила чай и посмотрела на часы. Два часа до конца смены. Инженер из Горводоканала так и не появился.

— Ладно. Спасибо, Нина Павловна. Разберёмся.

В пять часов инженер наконец приехал. Селектор на столе Таты щёлкнул.

— Коржикова! — голос Зарины. — Горводоканал прислал человека. Он уже в подвале и уже недоволен. Спрашивает, почему у нас трубы поют. Бросай всё и вниз.

— Иду.

Лестница пахла сыростью и краской, хотя красили три года назад. На пятой ступеньке Тата услышала гул. Низкий, тянущийся, неприятный. Как будто кто-то далеко внизу дул в горлышко гигантской бутылки.

В коридоре подвала блестели на полу голубоватые капли. Тата остановилась. Конденсат был синим.

Из-за двери технического помещения доносились голоса.

— Я вам ещё раз говорю, — звенела Зарина, — если пострадают папки за девятнадцатый год, я выставлю претензию вашему водоканалу до седьмого колена!

— Выставляйте, — ответил мужской голос. Спокойный, низкий. — Только сначала дайте посмотреть, что у вас тут. Я пока вижу трубы семидесятого года, два незаконных отвода

и магический фон, от которого у меня ключ в руке искрит.

Тата вошла.

У труб стоял высокий мужчина в куртке «Горводоканала». Рукава закатаны. В одной руке ключ, в другой — моток синей изоленты и пучок пакли. Лицо серьёзное, живое, с морщинами усталости у глаз. Не красавец. Но из тех, на кого хочется посмотреть второй раз.

Он обернулся. Окинул Тату взглядом — быстро, без оценки, просто отметил.

И это почему-то сразу понравилось.

— Татьяна Петровна Коржикова, — представилась она. — Ведущий специалист. Материально ответственное лицо за архив и всё, что в нём не должно петь.

— Семён Семёнович Трубников. Инженер. И у меня для вас плохие новости, Татьяна Петровна.

— Насколько плохие?

Он посмотрел на трубу. С неё медленно стекала синяя капля.

— Это не конденсат. И не просто утечка.

Труба тихо, отчётливо запела на ноте «ля».

Семён вздохнул.

— Покажите вход в архив. Быстро. Пока ваши трубы не решили помолодеть окончательно.

Из МФЦ Тата вышла в семь вечера. Голова гудела.

В подвале всё оказалось хуже, чем думали — Семён полчаса ползал между трубами, хмурился, качал головой и го-

ворил непонятное про «магический осмос» и «аномальное давление в нижнем горизонте». Составили акт. Семён пообещал вернуться завтра с бригадой. Зарина пообещала ему ад, если хоть одна папка пострадает.

Обычный понедельник.

Ноги сами понесли Тату к гномьей пекарне на углу. Маленькая, тёплая, с низким потолком и запахом, от которого хотелось плакать от счастья.

За прилавком стоял Дори. Гном-пекарь. Борода в муке, фартук в шоколаде, глаза хитрые.

—Татьяна Петровна! Как обычно, три эклера?

— Четыре. День был длинный.

— Четыре — это уже терапия.

— Дори, ты пекарь или психолог?

— В Липецке это одно и то же, — он ловко упаковал эклеры в пакет. — Слышала новость? У Бронка Железнозада лоза Эльриэль опять в окно залезла. Он пришёл ко мне за топором.

— За топором?

— Для лозы. Хотя по его лицу было видно, что и для эльфийки бы сгодился. Я ему продал булочку вместо топора. Сказал, пусть сначала поест и подумает.

— Помогло?

— Нет. Но булочку съел. Значит, день уже не зря.

Тата рассмеялась и пошла домой.

Квартира встретила её тишиной и Файлом на диване. Кот

лежал на спине, раскинув лапы, как морская звезда.

— Подвинься.

Файл приоткрыл один глаз. Не подвинулся.

— Ладно, — Тата села рядом, вскрыла пакет и включила сериал.

Эклер первый — снятие стресса. Эклер второй — восстановление справедливости. Эклер третий — награда за выживание в понедельнике. Эклер четвёртый...Четвёртый она не доела. Уснула.

Файл осторожно подобрался к тарелке, понюхал эклер, фыркнул и отвернулся. Потом повернулся обратно. Лизнул крем. Отвернулся снова. С достоинством.

На кухне капал кран. Тихо, ритмично. Капля за каплей.

Капли были голубыми.

Они падали в раковину и слабо, почти незаметно, светились.

Файл поднял голову. Посмотрел в сторону кухни. Потом на спящую Тату. Потом снова на кухню.

Отвернулся.

Свернулся клубком.

Уснул.

А кран продолжал капать.

Глава 2. Заявление по форме 7-М, подпункт Ж — жалоба

Вторник начался как логичное продолжение понедельника — с лёгким оттенком головной боли и стойким желанием уйти в отпуск, желательно на необитаемый остров, где нет эльфов, гномов, поющих труб и системы электронной очереди.

Тата сидела в окне номер двадцать шесть, методично раскладывая бланки. Фарфоровая лягушка смотрела на неё с немым сочувствием. В зале ожидания было относительно тихо: Руслан Ибрагимович стоял у входа, скрестив руки на груди, и одного этого вида хватало, чтобы даже самые скандальные посетители переходили на уважительный полушепот.

Ровно в восемь пятнадцать к стойке подошла Эльриэль дочь Ветра.

Эльфийке было триста сорок лет, но выглядела она так, будто только что сошла с обложки журнала по эко-дизайну: высокая, невыносимо стройная, в платье из струящейся ткани цвета утреннего тумана. От неё пахло росой, луговыми травами и абсолютным, непоколебимым превосходством. В Эльфийской слободе на Соколе она считалась кем-то вроде председателя негласного ТСЖ, хотя сама предпочитала титул Хранительницы Гармонии.

У Таты на этот счет было свое мнение. Она считала Эльриэль главным спонсором потребления валерьянки в МФЦ.

— Доброе утро, Эльриэль, — вежливо сказала Тата. — Что у нас сегодня? Снова выбросы НЛМК нарушают прозрачность вашей ауры?

Эльфийка грациозно опустилась в кресло для посетителей, и оно даже не скрипнуло, хотя под Татой обычно издавало звук, полный смирения перед неизбежным.

— НЛМК — это глобальная трагедия, Коржикова, — мелодично, но с металлом в голосе произнесла Эльриэль. — Но сегодня я пришла по поводу локальной катастрофы и хочу подать жалобу по форме 7-М, подпункт Ж.

Тата внутренне подобралась: подпункт Ж означал «Нарушение условий межрасового соседства, повлёкшее материальный или моральный ущерб», а к таким заявлениям следовало относиться со всей серьёзностью.

— Кто ответчик? — Тата придвинула к себе клавиатуру.

— Это невыносимое, неотесанное, бородатое недоразумение, которое по какой-то злой насмешке судьбы администрация города поселила на моем этаже. Бронк Железнозад.

Тата вздохнула. Конфликт между утонченной эльфийкой и суровым гномом-металлургом, которым «повезло» стать соседями по лестничной клетке в рамках программы расселения, был легендой всего Сокола.

— Что Бронк сделал на этот раз? — спросила Тата, открывая форму.

— Он устроил кузню! В подвале нашего дома! — глаза Эльриэль сверкнули праведным гневом. — Я закрывала глаза на то, что он варит свой тошнотворный эль, от которого в подъезде пахнет жженым солодом и старыми сапогами. Я терпела, когда он пел застольные гномьи песни. Но кузня? Мой пол вибрирует. Мои хрустальные вазы семнадцатого века, пережившие две эпохи и одно вторжение гоблинов, трескаются от резонанса!

Эльриэль изящно взмахнула рукой.

— Этот город деградирует, Коржикова. Культура в упадке. И этот Бронк нарочно стучит своим молотом именно тогда, когда я медитирую и пытаюсь соединиться с потоками Вселенной!

Тата перестала печатать и посмотрела на эльфийку поверх очков.

— Эльриэль. Вы медитируете с трех до пяти утра. Бронк, насколько мне известно из его графика смен, начинает стучать в шесть. Это разные временные слоты.

— Моя аура очень чувствительна! — возмутилась эльфийка. — Она настраивается часами! Он сбивает мне послевкусие от медитации! Коржикова, ты вообще на чьей стороне? Ты должна понимать меня как женщина, стремящаяся к гармонии.

Тата мысленно оценила свою гармонию. С утра она состояла из двух бутербродов с докторской колбасой и понимания, что до обеда еще четыре часа.

— Я на стороне регламента, Эльриэль, — подумав, спокойно ответила Тата. — У регламента нет расы, пола и ауры. Вы хотите зафиксировать материальный ущерб вазам?

Эльфийка открыла рот, чтобы ответить, но не успела.

Входная дверь МФЦ распахнулась с такой силой, что Руслан Ибрагимович угрожающе шагнул вперед. В зал ожидания ввалился Бронк Железнозад.

Ростом метр двадцать, Бронк был почти таким же широким в плечах. Его борода была заплетена в три тугие косы с тяжёлыми стальными кольцами на концах. Гном раскраснелся, тяжело дышал и выглядел так, будто готов прямо сейчас пойти на штурм вражеской крепости.

— Апчхи! — громыхнул гном на весь зал. Стекла в окнах жалобно звякнули.

Бронк вытер нос огромным клетчатым платком, заметил у окна номер двадцать шесть знакомую фигуру в струящемся платье и рванул туда, как бронепоезд.

— Ага! Вот ты где, ушастая катастрофа! — взревел он, останавливаясь рядом с креслом Эльриэль. — Татьяна Петровна! Я пишу жалобу! Срочную!

Эльриэль брезгливо поморщилась и отодвинулась, прижав к лицу надушенный батистовый платочек.

— Бронк, от тебя несет серой. И ты нарушаешь мое личное пространство.

— Я тебе сейчас твое пространство в узел завяжу! — Бронк ударил кулаком по столу Таты. Лягушка подпрыгнула.

— Татьяна Петровна, вы посмотрите на меня! Посмотрите на мои глаза!

Тата посмотрела. Глаза гнома были красными, слезились и выглядели откровенно несчастными.

— Что случилось, Бронк? — спросила она.

— Аллергия! — трагически выкрикнул гном. — У меня! У потомка рода Железнозадов, воинов Подгорного Трона, мастеров горного хрусталя и адамантия — аллергия на цветочки!

Он ткнул коротким толстым пальцем в сторону эльфийки.

— Эта любительница флоры заплела весь мой балкон своей проклятой эльфийской лозой! И мало того, что она лезет мне в вытяжку, так она сегодня ночью зацвела!

Эльриэль гордо вскинула подбородок.

— Это Серебристая Лоза Пробуждения. Она цветет раз в десять лет. Это величайшая редкость. Ты должен быть благодарен, что можешь созерцать такое чудо природы.

— Я им дышу, а не созерцаю! — Бронк снова оглушительно чихнул. — Я из-за твоей лозы сегодня утром чихнул так, что расплавил щипцы в горне! Она лезет мне в окна! Она пахнет как парфюмерная фабрика, которая взорвалась! Я требую муниципальной вырубки!

— Только тронь мою лозу своим немытым топором, подземный крот! — эльфийка вскочила с кресла. Её спокойствие испарилось.

— А то что? Натравишь на меня бабочек? — Бронк упер

руки в бока.

Они стояли друг напротив друга — высоченная изящная эльфийка и квадратный разъяренный гном. Искры летали такие, что казалось, сейчас загорятся бланки на столе.

Тата сидела ровно. Внутри неё боролись два чувства: профессиональная усталость и чисто человеческое веселье. Она давно подозревала, что эта вражда — единственное, что вносит краски в их долгую жизнь. Им просто нравилось ругаться.

Где-то сбоку мелькнула тень. Тата скосила глаза и увидела Лёху Ворона. Специалист по нелюдям наполовину высунулся из-за своей стойки и увлеченно снимал перепалку на телефон.

— Ворон, убери камеру, — одними губами артикулировала Тата.

Лёха помотал головой и показал большой палец: контент получался огненный.

Руслан Ибрагимович тем временем неслышно подошел сзади и навис над спорщиками, как скала. Он ничего не делал. Он просто присутствовал. Но плотность воздуха вокруг него заметно возросла.

— Я залью твою кузню бетоном! — шипела Эльриэль.

— Я скормлю твою лозу своему ездовому барану! — рычал Бронк.

— Что за цирк?!

Голос Зарины Маратовны ударил по залу ожидания хлест-

че любого заклинания тишины.

Начальница МФЦ стояла в проходе, уперев руки в бёдра и выпрямив спину; от её взгляда даже Руслан Ибрагимович инстинктивно втянул живот.

Эльриэль и Бронк замерли.

— Вы находитесь в государственном учреждении, — ледяным тоном произнесла Зарина. — Здесь люди и нелюди оформляют документы. Если у вас избыток энергии, я могу выдать вам метлы, и вы пойдете чистить парковку.

Эльфийка поправила складки платья и приняла независимый вид. Бронк кашлянул в кулак и спрятал платок.

— Коржикова, — Зарина перевела взгляд на Тату. — Оформить обе жалобы. Пустить по инстанциям. Срок рассмотрения — тридцать дней. Пусть ждут. А вы двое, — она посмотрела на спорщиков, — если я еще раз услышу крики в моем зале, я лично аннулирую ваши виды на жительство.

Зарина развернулась и ушла к себе в кабинет.

Бронк и Эльриэль молча проводили её взглядом.

— Суровая женщина, — с уважением пробормотал гном. — Из неё бы вышел отличный бригадир.

— Единственное, в чем я с тобой согласна, — тихо ответила эльфийка.

Тата распечатала два бланка.

— Подписи здесь и здесь. Экспертиза придет в течение двух недель. До этого момента лозу не рубить, кузню ночью не разжигать. Вопросы есть?

Они молча расписались. Бронк, уходя, шмыгнул носом. Эльриэль, уходя, гордо вскинула голову, но почему-то пошла к тому же выходу и в том же темпе, что и гном. Тата видела в окно, как они вместе пошли к автобусной остановке, продолжая о чем-то яростно спорить.

* * *

После ухода спорщиков рабочий день постепенно вернулся в привычное русло.

В одиннадцать пришла старушка-оборотень оформлять справку о смене формы. Документ назывался «Уведомление о периодической трансформации физического облика» и занимал четыре страницы мелким шрифтом. Старушка жаловалась, что в полнолуние у неё отрастает хвост и соседи вызывают отлов бродячих животных.

— Милая, ты не представляешь, каково это, — жаловалась она, пока Тата заполняла графы. — Просыпаешься на газоне в чужом дворе, голая, хвост ещё не убрался, а тут дворник с метлой и крик «опять эта бешеная!»

— Вам нужно зарегистрировать график трансформаций, — терпеливо объяснила Тата. — Тогда участковый будет предупреждён, и отлов вызывать не станут.

— А если я сама не знаю свой график? Иногда хвост вылезает не в полнолуние, а просто когда я нервничаю. Вот вчера в очереди за хлебом разволновалась — и здравствуйте, пу-

шистый сюрприз.

— Тогда оформим расширенное уведомление. С пометкой «возможны внеплановые трансформации».

— Это дороже?

— Это бесплатно. Но бланк длиннее.

Старушка вздохнула, достала из сумки очки в толстой оправе и приготовилась заполнять шесть страниц вместо четырёх.

В двенадцать забежал курьер-полурослик, перепутавший этажи. Искал нотариуса, а попал в окно двадцать шесть. Тата перенаправила его, попутно объяснив, что нотариус на третьем этаже, а не на втором, и что лифт сегодня работает только для кентавров, потому что обычный сломался, а грузовой занят.

— А пешком? — спросил полурослик.

* * *

— Пешком — всегда пожалуйста. Лестница бесплатная и круглосуточная.

Полурослик убежал, а Тата допила остывший кофе из автомата, который второй день подряд был подозрительно вкусным. Либо автомат наконец починили, либо в водопроводе действительно что-то изменилось.

После обеда к столу подошла Нина Павловна. У неё был вид человека, который знает тайну, но не уверен, стоит ли

ею делиться.

— Таточка, — Нина Павловна присела на краешек кресла посетителя. — Семихватов снова беспокоится.

Семихватов был тем самым призраком из подвала, о котором Нина Павловна рассказывала накануне.

— Трубы всё еще поют? — спросила Тата, делая пометку в журнале. Вчерашний инженер из Горводоканала, Семён Семёнович, так и не выходил у неё из головы. Было в нем что-то основательное. Он сказал, что трубы начали молодеть, и обещал вернуться с бригадой.

— Нет, трубы замолкли, — Нина Павловна поежилась. — Но теперь он слышит гул. Глубоко под землей. Как будто работает огромный мотор. Или как будто кто-то очень большой... дышит.

Тата покрутила в руках ручку.

— Нина Павловна, под нами ветка метро. И новый коллектор НЛМК. Там постоянно что-то гудит.

— Семихватов жил здесь, когда метро еще в помине не было, Таточка. Он знает, как звучит земля. Он говорит, этот гул... живой. И Василий Петрович сегодня весь день сидит на верхнем шкафу в архиве и отказывается спускаться. Говорит, пол слишком теплый.

Тата нахмурилась. Синий конденсат, теплый пол, живой гул. Картинка складывалась странная и тревожная.

— Я передам это инженеру, когда он придет, — пообещала Тата. — Не волнуйтесь.

Рабочая смена закончилась ровно в шесть.

Лёха заглянул к ней перед уходом.

— Тат, видео с Бронком и Эльриэль набрало восемь тысяч просмотров.

— Лёха.

— Я знаю, знаю. Но там в комментариях пишут, что они идеальная пара.

— Если ты покажешь это Бронку, он тебя в кувалду закатает.

— А если Эльриэль?

* * *

— Она тебя в лозу вплетёт. Живьём.

Лёха задумался и ушёл. Но телефон не убрал. Тата закрыла окно номер двадцать шесть, попрощалась с Русланом и вышла в прохладный липецкий вечер.

Дома было тихо. Файл встретил её у порога стандартным набором претензий: миска пуста, лоток убран недостаточно идеально, хозяйка пахнет чужими котами.

— Я пахну бумагой и нервотрепкой, — ответила Тата, снимая туфли. Ноги гудели.

После легкого ужина (салат, потому что после вчерашних четырех эклеров совесть все-таки проснулась) Тата пошла в ванную.

Она включила воду и выдавила пасту на щётку, собираясь

наконец спокойно почистить зубы.

Взглянув в зеркало, Тата задержалась перед ним дольше обычного.

Ванная комната была маленькой, светлой и безжалостной. Здесь нельзя было спрятаться за широким рабочим столом или профессиональным авторитетом. Здесь ты оставался один на один с собой.

Тата вздохнула и посмотрела на напольные весы, стоящие в углу. Весы ответили ей холодным блеском электронного табло.

Привычный внутренний монолог завёлся сам собой, словно заезженная пластинка.

Тридцать четыре года, не замужем, а кот носит имя канцелярской принадлежности.

И, конечно, вес — отдельная тема для размышлений.

Девяносто килограммов — во всяком случае, столько показывали весы, когда соглашались говорить правду. Впрочем, весы в её ванной были отдельной магической аномалией Липецка: они врали с таким упорством, что Тата однажды провела научный эксперимент. Сначала она взвесилась сама, а затем взяла на руки Файла. Разница составила пять килограммов, хотя кот весил всего три.

Куда взялись лишние два килограмма? Этот вопрос мучил Тату уже месяц. То ли кот умел утяжелять себя силой презрения, то ли физика окончательно капитулировала перед липецким магическим фоном — загадка мироздания.

Тата сплюнула пену и прополоскала рот.

Вкус воды показался ей странным.

Она сделала ещё один глоток из-под крана и замерла, прислушиваясь к ощущениям.

Липецкая вода всегда отдавала хлоркой и железом. Это был вкус её детства, вкус стабильности. Но сейчас хлорки не было.

Теперь вода была сладковатой и свежей, с лёгким привкусом чего-то неуловимо знакомого, словно в стакан бросили каплю берёзового сока или цветочного мёда.

Тата выключила кран и внимательно посмотрела на излив смесителя.

Вчера вечером капля была голубой, а сегодня у воды изменился вкус.

— Показалось, — вслух сказала она. — Горводоканал просто сменил реагенты.

Но где-то внутри, в той самой части души, которая всегда безошибочно находила нужный подзаконный акт в стопке макулатуры, шевельнулось липкое, нехорошее предчувствие. То самое предчувствие, которое подсказывало: подпунктом Ж по форме 7-М дело не ограничится.

Тата вытерла лицо полотенцем, выключила свет в ванной и пошла спать.

Файл уже лежал на её подушке и делал вид, что так было всегда.

— Подвинься.

Файл приоткрыл один глаз, но даже не подумал подвинуться.

— Ладно.

Она легла на край кровати, натянула одеяло и уставилась в потолок. Мысли крутились, как барабан в бетономешалке из поэмы Глыбы: синяя вода, сладкий привкус, тёплый пол в подвале и инженер Трубников с его спокойным голосом и синей изолентой.

Странными выдались и понедельник, и вторник, а о том, что ждёт её в среду, Тата предпочитала пока не думать.

* * *

Файл тихо замурлыкал. Вибрация прошла через подушку, через матрас, через всю кровать. Привычная, тёплая, надёжная.

— Спасибо, — прошептала Тата.

Файл замурлыкал громче. Может, это было «пожалуйста». А может — «купи нормальный корм». С котами никогда не знаешь.

А глубоко под городом, скрытое тоннами бетона, земли и старых гномьих тоннелей, огромное Сердце Земли сделало еще один, чуть более сильный толчок. Гул разошелся по трубам, заставляя старый чугун мелко вибрировать в такт просыпающейся магии.

Глава 3. «Горводоканал предупреждает»

Среда встретила сотрудников МФЦ таким наплывом посетителей, словно весь Липецк одновременно решил выяснить отношения с коммунальными службами.

К девяти утра в зале ожидания МФЦ не было ни одного свободного кресла. Очередь тянулась от стойки администратора до самого входа, где Руслан Ибрагимович стоял в позе человека, готового в любой момент перейти от созерцания к силовому регулированию потока граждан. Табло электронной очереди моргало так часто, что казалось, у него нервный тик.

Хотя Тата пришла на семь минут раньше обычного, Зарина Маратовна уже ждала её у окна двадцать шесть с видом полководца, которому только что доложили о приближении неприятеля.

— Коржикова, у нас ЧП. С самого утра валят заявления. Тракторный район. Из кранов течёт странная вода.

— Синяя? — Тата вспомнила вчерашний подвал.

— Нет. Сладкая. С голубоватым отливом. Жители в панике. Одна бабушка уже сварила на ней борщ.

— Борщ?

— Борщ. Говорит, свёкла стала как молодая, хрустит. Тре-

бует экспертизу.

Тата включила компьютер, придвинула клавиатуру и приготовилась к долгому приёму. Первая посетительница уже пробиралась к окну двадцать шесть, решительно раздвигая локтями полурасликов.

Пенсионерка в пуховом платке выглядела сурово, а её авоська была до отказа набита банками с чем-то подозрительно фиолетовым. Подойдя к стойке, женщина прищурилась и внимательно изучила бейджик Таты.

— Татьяна Петровна! — пенсионерка грохнула авоську на стойку. Лягушка подпрыгнула. — Вы мне скажите, что у нас из крана льётся?! Я из дома четырнадцать по улице Коммунистической, у нас весь подъезд на ушах стоит!

— Доброе утро. Присядьте, пожалуйста.

— Я постою! Я этой водой борщ сварила! Свёкла, милая моя, свёкла! Она была старая, вялая, я её три дня назад купила на рынке. А после варки — хрустит! Как будто только с грядки!

— Может, просто хорошая свёкла попалась?

— Девушка, я шестьдесят лет борщ варю. Я знаю свою свёклу. Эта свёкла помолодела. И морковка тоже. А картошка стала такой рассыпчатой, что у меня муж покойный из могилы бы встал, чтобы попробовать!

— Послушайте...

— И ещё! Кошка моя, Муська, этой воды попила и вчера мышь поймала! Она три года мышей не ловила! Лежала на

батарее как мешок с опилками. А тут — раз! И мышь!

Тата старательно записывала всё, что сообщала посетительница: свёкла, морковь, картошка и кошка Муська. Омоложение пищевых продуктов и домашних животных под воздействием водопроводной воды не укладывалось ни в одну из предусмотренных форм заявлений, поэтому подходящий документ предстояло изобрести самостоятельно.

Пока пенсионерка расписывалась в заявлении, к окну подтянулся дедок в кепке и с палочкой. Он терпеливо дождался своей очереди и аккуратно положил на стойку полиэтиленовый пакет. В пакете лежал огурец. Очень странный огурец — ярко-зелёный, блестящий, размером с хорошую скалку.

— Вот, — сказал дедок. — Полил вчера грядку из шланга. Утром вышел — а они такие. Все. Двадцать кустов.

— Это... огурец? — уточнила Тата.

— Был огурец. А сейчас я уж и не знаю. Он за ночь вырос в четыре раза. И пахнет как огурцы в детстве пахли. Помните, как в детстве огурцы пахли?

Тата помнила. Пахло действительно потрясающе — свежестью, землёй, летом.

— Я его откусил, — продолжал дедок. — Вкуснее ничего в жизни не ел. Но испугался. Вдруг отравлюсь магией какой. Пришёл вот, спросить — это нормально?

— Сейчас оформим, — Тата взяла чистый бланк. — Адрес?

— Тракторный, дом девять, участок за домом. Там у меня

парник стоит. Вернее, стоял. Огурцы его изнутри порвали.

Следом появился сосед пенсионера из другого дома: вода у него имела тот же сладковатый привкус, а фикус за ночь вырос на полметра и пустил корни прямо сквозь линолеум.

Затем к окну подошла молодая мать с двойняшками, которые накануне купались в подозрительной воде. За ночь у обоих снова начали расти молочные зубы, хотя прежние никуда не делись.

— У них же уже были зубы? — осторожно уточнила Тата.

— Были! А теперь новые! Поверх старых! У меня дети как акулята! — молодая мама была на грани истерики. — Стоматолог говорит, такого не бывает. А я говорю — а дети вот они, кусаются в два ряда!

К одиннадцати утра Тата приняла двенадцать заявлений. Тракторный район, Сокол, два обращения из центра. Проблема расползалась по городу, как варенье по скатерти — неотвратимо и во все стороны. Вода из кранов имела сладковатый привкус и странные свойства: омолаживала продукты, растения, мебель, домашних животных. Кто-то радовался — халявное омоложение, не надо записываться в клинику на полгода вперёд. Кто-то паниковал. Тата относилась ко вторым.

Глядя на растущую стопку заявлений, Тата почувствовала неприятный холодок между лопатками: вчера вечером вода в её собственной ванной на Соколе тоже показалась странно сладкой.

Зарина Маратовна заглянула к ней в окно.

— Ну что?

— Двеннадцать штук. И это только за утро. Звоню в Горводоканал.

— Звони. И скажи им, что если они не пришлют сюда кого-нибудь вменяемого, я поеду к ним лично. С проверкой. И с Русланом Ибрагимовичем.

— Это угроза?

— Это обещание, Коржикова. Звони.

Тата набрала номер Горводоканала и несколько минут слушала автоответчик, перемежавший дежурные сообщения навязчивой музыкой. К четвёртой минуте ожидания она уже всерьёз прикидывала, не отправиться ли туда лично, когда трубку наконец снял живой человек.

— Горводоканал, отдел магических коммуникаций, Трубников.

— Семён Семёнович? Это Коржикова. МФЦ, проспект Победы.

— А, Татьяна Петровна, — в голосе не было удивления. Только усталость. — Синяя вода?

— Уже не только синяя. Сладкая. И омолаживает свёклу.

— Свёклу?

— Свёклу, морковь, кошку и двух младенцев. У меня двенадцать заявлений за утро. Все Тракторный район, а также парочка из центра

— Понятно, — Семён помолчал. — У нас таких звонков

за утро — сорок три. Не только Тракторный. Ещё Сокол и Новолипецк.

— Новолипецк? Это же гномий квартал.

— Именно. Гномы пока молчат, но у них из кранов идёт вода, которая полирует металл до зеркального блеска. Они думают, это подарок.

— А это не подарок?

— Это прорыв магического горизонта в городскую водопроводную сеть. Я приеду к вам через час. Заберу заявления и осмотрю ваш подвал ещё раз.

* * *

Ровно через час Семён Семёнович Трубников появился у МФЦ. Из своего окна Тата видела, как он пересекает парковку широким, неторопливым шагом человека, который давно понял: сколько ни спеши, коммунальная авария никуда не убежит.

На нём была та же синяя куртка, только сегодня заметно чище; из нагрудного кармана вместо пакли торчал блокнот. Рукава по-прежнему оставались закатанными, и Тата начинала подозревать, что инженер вообще никогда их не опускает.

— Татьяна Петровна, — он кивнул, подходя к окну двадцать шесть. — Заявления готовы?

— Вот, — Тата протянула ему папку. — Двенадцать штук.

Рассортированы по адресам. И ещё три пришли, пока вы ехали.

Семён взял папку и принялся просматривать заявления — быстро, но внимательно, задерживаясь на важных подробностях. Тата невольно отметила эту привычку: большинство посетителей и чиновников хватали документы и прятали в сумку, даже не заглянув внутрь, а Трубников действительно читал.

— Зубы у младенцев, — он поднял глаза. — Это серьёзно.

— Вы верите?

— Татьяна Петровна, я вчера видел, как чугунная труба семидесятого года на моих глазах превратилась в новую. С заводской маркировкой. Я теперь верю во всё.

Пока он листал, Тата разглядывала его руки. Большие, с мозолями на ладонях, с въевшимся в кожу следом от разводного ключа. На безымянном пальце левой руки — бледная полоска от кольца, которого давно нет. Разведён, машинально отметила Тата. И тут же одёрнула себя. Татьяна Петровна, ты на работе. Ты смотришь на заявления, а не на пальцы инженера. Хотя пальцы тоже ничего, крепкие такие... Они стояли по разные стороны стойки, и Тата вдруг поняла странную вещь: с ним было спокойно. Не потому что он говорил правильные слова или обещал всё починить. А потому что он слушал. По-настоящему слушал, а не ждал, когда она закончит, чтобы вставить своё.

— Мне нужно в ваш подвал, — сказал Семён. — Прове-

рить узел. Вчера я поставил временную заглушку, хочу посмотреть, держит ли.

— Пойдёмте. Я провожу.

В подвале оказалось заметно теплее, чем накануне, а к привычному запаху старой бумаги и сырости примешался отчётливый хвойный аромат.

У распределительного узла Семён присел на корточки, приложил ладонь к трубе и замер, словно пытался расслышать что-то за металлической стенкой.

В этот момент из-за архивного стеллажа осторожно показалась лохматая голова Василия Петровича.

Семён повернулся.

— О. Привет. Ты тут штатный?

Василий Петрович от неожиданности чуть не свалился с полки. Его редко замечали. Вернее, его почти никто не замечал — домовые умели быть невидимыми, когда хотели. Но этот инженер смотрел прямо на него спокойными серыми глазами.

— Штатный, нештатный... — проворчал домовой, оправившись от удивления. — Я тут с пятьдесят третьего года, мил человек. А ты кто?

— Сантехник, — просто ответил Семён. — Трубы гудят?

— Гудят, — Василий Петрович выбрался из-за стеллажа и подошёл ближе. — И не только трубы. Пол гудит. Стены гудят. Земля гудит. Я тут семьдесят лет живу, всякое слышал. Но такого — никогда.

— Что именно слышите?

— Дыхание, — тихо сказал домовой. — Глубокое. Медленное. Как будто под городом кто-то спит. И ворочается.

Семён молча записал что-то в блокнот. Потом достал из кармана овсяную печеньку и положил на край трубы.

— Спасибо за информацию.

Василий Петрович посмотрел на печеньку, потом на инженера.

— Ты, мил человек, не так прост, — сказал он одобрительно. — Приходи ещё.

Они поднимались по лестнице молча. Семён шёл впереди, Тата — следом. На узком повороте между первым и вторым этажом им пришлось протискиваться мимо стеллажа с пожарным инвентарём. Семён прошёл легко — он был широкий, но двигался на удивление ловко. Тата зацепила бедром огнетушитель.

— Чёрт, — буркнула она, потирая бок.

— Осторожнее, — Семён обернулся и придержал стеллаж. — Тут тесно.

— Тут нормально. Это я нетесная.

Он посмотрел на неё — странно, без улыбки, но и без той сочувственной мины, которую Тата ненавидела больше всего. Просто посмотрел.

— Огнетушитель криво стоит, — сказал он. — Я поправлю.

И поправил. Молча. Без комментариев. Без «ну что вы, вы

совсем не толстая» и прочей ерунды, которую люди считают уместной. Просто поправил огнетушитель и пошёл дальше.

Тата стояла секунду, глядя ему в спину. Потом тряхнула головой и пошла следом.

Нормальный мужик, подумала она. Просто нормальный мужик. Не комментирует, не оценивает, не утешает. Чинит то, что криво стоит, и идёт дальше. Господи, как мало надо для счастья.

— Татьяна Петровна, — Семён остановился у двери. — У вас на Соколе трубы менять надо. Они старые, советские.

— У нас на Соколе всё советское, — ответила Тата. — Люди тоже.

— Люди-то ладно. А вот трубы...

Семён не стал продолжать, лишь коротко кивнул на прощание и вышел.

Оставшись у двери, Тата проводила его взглядом до старого белого «уазика» с надписью «Горводоканал». Инженер сел за руль, завёл двигатель и вскоре скрылся за поворотом.

— О-о-о! — раздалось за спиной.

Тата обернулась. Лёха Ворон стоял в трёх шагах с телефоном наготове и улыбкой шириной в проспект Победы.

— Лёха, — Тата сощурилась. — Мне тяжело бегать. Но я тебя догоню.

— Я ничего не говорю!

— Ты снимаешь.

— Я проверяю фокус камеры! На архитектуре здания! —

Лёха спрятал телефон за спину. — Тат, ну чего ты? Нормальный мужик. Серьёзный. И печеньку домовому оставил. Это, между прочим, признак хорошего воспитания.

— Лёха, иди работай.

— Уже иду. Но ты подумай.

— О чём?

— О том, что у него изолента синяя. А у тебя глаза карие. Красивое сочетание.

* * *

Тата предпочла не отвечать и направилась обедать, а за спиной послышались торопливые шаги Лёхи. Судя по звуку, он благоразумно выбрал противоположное направление.

До самого вечера приём не прекращался: новые заявления снова и снова касались воды — сладкой, голубоватой, способной омолаживать всё, до чего добиралась.

В три часа пришла Эльриэль. Без жалобы. Просто пришла.

— Коржикова, — она села в кресло и сложила руки на коленях. — У меня лоза за ночь выросла ещё на метр. Она оплела весь балкон Бронка и начала заползать на крышу.

— Вы пришли подать ещё одну жалобу?

— Нет. Я пришла спросить — это нормально? Серебристая Лоза растёт медленно. Сантиметр в год. А тут — метр за ночь. Это неправильно, Коржикова. Даже для магического города.

Тата посмотрела на эльфийку. Впервые за все их знакомство Эльриэль выглядела не раздражённой и не надменной. Она выглядела встревоженной.

— Бронк знает? — спросила Тата.

— Бронк чихает, — Эльриэль поморщилась. — Но он тоже заметил. Сказал, что его молот сегодня утром стал легче. Как будто потерял вес. И сталь в горне плавится быстрее обычного.

— Вы разговариваете с Бронком? — удивилась Тата.

— Мы живём на одной лестничной клетке, Коржикова. Иногда приходится. В лифте, например. Или когда его баран жрёт мою петунию.

— У Бронка есть баран?

— Ездовой. Он держит его на балконе. Но это не важно. Важно то, что земля дрожит. Я чувствую. Три ночи подряд. И лоза чувствует — она тянется вниз, к земле, а не вверх, к солнцу. Как будто ищет что-то.

Тата записала. Лоза, молот, баран, дрожь земли. Ещё одна деталь в мозаику, которая складывалась во что-то большое и пугающее.

— Спасибо, Эльриэль. Я передам инженеру.

— Какому инженеру?

— Из Горводоканала. Он занимается проблемой.

Эльфийка встала, поправила платье и посмотрела на Тату сверху вниз. Но не свысока — а просто потому что была на голову выше.

— Коржикова, — сказала она. — Ты хороший человек. Для человека.

— Спасибо, Эльриэль. Для эльфийки вы тоже ничего.

Эльриэль фыркнула и ушла.

Зарина Маратовна дважды звонила в администрацию города и один раз — лично губернатору. Губернатор не ответил. Его секретарь сказал, что ситуация под контролем.

— Под контролем у них, — процедила Зарина Маратовна. — Как же. У меня стеллаж почками покрылся, а у них под контролем.

Нина Павловна принесла Тате чай в четыре часа и сообщила, что Семихватов из подвала слышит уже не просто гул, а ритм. Как сердцебиение.

* * *

— Таточка, — Нина Павловна понизила голос до шёпота. — Я сама спускалась. Приложила руку к стене. И знаешь что?

— Что?

— Тёплая. Стена тёплая. И пульсирует. Слабо-слабо, но пульсирует. Как живая.

Тата потёрла виски, пытаясь унять нарастающую головную боль.

Когда в половине восьмого она наконец вышла из МФЦ, ноги гудели от усталости, а мысли упорно возвращались то

к синей воде и молодеющей свёкле, то к серьёзным серым глазам инженера Трубникова.

Дома Файл встретил хозяйку требовательным «мяу» и проводил на кухню, где немедленно уселся возле пустой миски. Тата насыпала ему корм, налила себе чай и вдруг замерла.

Вода из крана теперь была откровенно сладкой, словно компот или берёзовый сок. В этом вкусе ощущалось что-то живое и древнее, чему совершенно не полагалось течь из ржавого смесителя в кухне обычной пятиэтажки на Соколе.

Файл попил воды из своей миски, поднял голову и посмотрел на Тату. В его кошачьих глазах читалось что-то новое. Не привычное «корм, лоток, почеши за ухом». А что-то вроде: «Ты тоже чувствуешь, что происходит какая-то фигня?»

— Да, Файл, — сказала Тата. — Чувствую.

Решив хотя бы попытаться получить объяснение, она достала телефон и набрала управляющую компанию.

После нескольких длинных гудков в трубке наконец щёлкнуло.

«Здравствуйте! Вы позвонили в управляющую компанию "Комфорт-Сервис". Ваш звонок очень важен для нас. Время ожидания составляет два часа или одно полнолуние. Для связи с оператором нажмите один. Для связи с магическим отделом нажмите два. Для экзистенциального кризиса оставайтесь на линии.»

Тата повесила трубку.

— Экзистенциальный кризис, — повторила она. — Пожалуй, это ближе всего.

Файл вскочил на подоконник и уставился в окно. Над вечерним Липецком разливалось слабое голубоватое сияние, будто кто-то глубоко под городом включил огромный ночник.

Тата погасила свет на кухне, устроилась на диване и натянула плед до подбородка.

— Завтра, — сказала она в темноту. — Завтра разберёмся.

Файл спрыгнул с подоконника, прошёл по ней, как по мосту, и улёгся в ногах.

Глубоко под городом Сердце Земли тяжело и протяжно вздохнуло, словно спящий, которого разбудили слишком рано.

В ответ на кухне Таты едва слышно зазвенели трубы, а затем всё снова стихло.

Пока.

Глава 4. «Кот заговорил — день не задался»

Четверг начался с события, к которому Тата Петровна не была готова ни морально, ни профессионально: её кот Файл заговорил.

Файл не мяукнул, не мурлыкнул и даже не издал душераздирающего утробного воя, которым обычно сообщал вселенной о пустой миске. Вместо этого он уселся на подушку в пяти сантиметрах от лица Таты, пристально посмотрел на неё жёлтыми немигающими глазами и с чёткой дикцией профессионального диктора произнёс:

— Татьяна Петровна. Мы должны серьёзно пересмотреть концепцию моего завтрака. Этот сухарь со вкусом картона унижает моё достоинство.

Тата вздрогнула и выронила телефон, который ударился об пол экраном вниз. Однако судьба техники сейчас волновала её куда меньше, чем говорящий кот: они смотрели друг на друга, и ни один не собирался первым отводить взгляд.

В голове ведущего специалиста МФЦ Коржиковой судорожно загружался регламент. Согласно Федеральному закону № 247-М, обычные немагические фамилиары не обладали голосовыми связками, приспособленными для человеческой речи. Следовательно, либо Тата всё ещё спала, либо

Файл только что нарушил административный кодекс.

— Что уставилась? — кот брезгливо дёрнул усом. — У тебя сейчас лицо менее интеллектуальное, чем у того кактуса на подоконнике. Воду дай. Только из бутылки. Из крана течёт какая-то синяя дичь со вкусом сахарной ваты. Я хищник, Коржикова, а не зубная фея.

В спальне повисла такая тишина, что было слышно, как по улице проезжает машина. На подоконнике привычно кренился набок кактус Сидоров, и весь остальной мир выглядел совершенно обычным. Просто серый трёхкилограммовый кот с плоской мордой внезапно потребовал обслуживания уровня «премиум».

Тата медленно села на кровати, пытаясь собраться с мыслями.

Шаг первый в любой кризисной ситуации: проверить, не сошла ли ты с ума.

— Файл, — хрипло сказала она. — Скажи что-нибудь ещё. Для проверки связи.

Кот сел поудобнее, обернул хвост вокруг лап и прищурился.

— Ты храпишь, когда спишь на правом боку. Твоя привычка жрать эклеры в три часа ночи вызывает у меня экзистенциальную тоску, потому что я должен спать, а не слушать шуршание фольги. И да, те джинсы, которые ты купила на распродаже, тебя полнят. Ещё вопросы будут?

Тата облегчённо выдохнула: если бы она действительно

сошла с ума, собственное подсознание наверняка придумало бы кота, который делает комплименты, а не критикует её гардероб.

Шаг второй: звонок профильному специалисту.

Она свесилась с кровати, подняла телефон (экран покрылся паутиной трещин, но работал) и набрала номер Нины Павловны. Медиум сняла трубку после первого же гудка, что само по себе было подозрительно.

— Таточка? Доброе утро.

— Нина Павловна, — Тата не сводила глаз с Файла, который демонстративно начал вылизывать лапу. — У меня кот заговорил.

Пауза. Короткая.

— На каком языке?

— На русском. С претензиями к корму.

— Понятно. Молодильная вода?

— Видимо. Он пил из миски, а я наливаю из-под крана.

— Таточка, это сейчас по всему городу. Мне с утра уже три призрака доложили — на Тракторном кошки и собаки разговаривают. У Семихватова из подвала сосед-призрак приходил, жаловался, что соседский пудель обозвал его бездельником.

— Пудель обозвал призрака бездельником?

— У пуделей, оказывается, очень развитое чувство справедливости. Кто бы мог подумать. Мой тебе совет: не спорь с ним. Коты в спорах непобедимы, у них нет совести.

Тата положила трубку. Файл как раз закончил вылизывать лапу и теперь смотрел на хозяйку с откровенным ожиданием.

Шаг третий: смирение.

Она встала, накинула халат и пошла на кухню. Файл бодро зацокал когтями следом.

— Имей в виду, — вещал он снизу, — тот корм в зелёной пачке пахнет тоской и переработанными клювами. Я хочу тот, из синей банки. С лососем.

— Файл, ты жрал зелёный корм два года и даже миску вылизывал! — возмутилась Тата, открывая шкафчик.

— Я не вылизывал, я плакал над ней от безысходности! — парировал кот. — Просто у меня морда невыразительная, ты не замечала.

Тата открыла банку с лососем и с размаху выложила паштет в миску, а воду предусмотрительно налила из покупной бутылки.

Файл изящно подошёл к еде, понюхал, откусил кусочек.

— Ну вот, можешь же, когда захочешь. Кстати, ты сама-то бутерброд делать будешь?

— Да. Один. Я на диете.

— Ты на диете с прошлого вторника, Коржикова, — кот посмотрел на неё с искренней жалостью. — За это время ты съела четыре эклера, контейнер макарон, два салата с майонезом и один, — он выделил слово, — с оливковым маслом. Для очистки совести. Кого ты обманываешь? Меня или се-

бя?

— Файл, — Тата оперлась руками о столешницу и наклонилась к коту. — Заткнись и ешь. Ты должен любить меня безусловно.

— Я кот, — философски ответил Файл, пережевывая лосося. — Я никого не люблю безусловно. Я люблю комфорт, тепло и свежую еду. А ты просто удачно вписываешься в эту экосистему. Сделай себе два бутерброда, женщина, и не порти нам обоим утро.

Из принципа Тата приготовила себе только один бутерброд, хотя сыра положила вдвое больше обычного.

Доедать бутерброд пришлось уже в пальто: одной рукой Тата застёгивала пуговицы, другой придерживала телефон. Файл тем временем сидел на холодильнике и руководил сборами с важностью представителя жилищной инспекции.

— И воду из крана не пей, — напомнил он.

— Я уже поняла.

— Не факт. Ты человек. У вас с пониманием всегда сначала паника, потом отрицание, потом чай.

— А у вас?

— У нас сначала еда, потом сон, потом презрение. Очень эффективная система.

Тата взяла сумку, ключи и уже потянулась к двери, когда Файл снова подал голос:

— И паштет купи.

— Вечером.

— Не перепутай с тем, где индейка.

— Почему?

— Потому что индейка — это миф, маркетинг и обман трудового кота.

* * *

На лестничной площадке стоял подозрительный шум. Обычно Сокол просыпался тихо и аристократично: эльфы шуршали листвой, в подъезде пахло дорогим кофе, а соседи старательно делали вид, что не существуют. Сегодня же снизу доносились женский визг, возмущённое мужское «да я тебе говорю!» и собачий лай.

Спустившись на пролёт ниже, Тата увидела соседку с таксой по кличке Груша. Прежде собака производила впечатление философски настроенного и довольно молчаливого существа, но теперь упёрлась лапами в пол посреди лестничной клетки и совершенно человеческим голосом отчитывала хозяйку:

— Я не пойду в этом ошейнике. Он мне не идёт. Он дешёвый и душит мою индивидуальность.

Соседка обеими руками вцепилась в поводок и выглядела так, словно уже мысленно записалась к психиатру.

— Тата! — вскрикнула она, увидев Коржикову. — Ты слышишь?!

— К сожалению, да, — честно ответила Тата.

Такса повернула к ней морду.

— Хоть один адекватный человек в этом доме. Скажите ей, что розовый — не мой цвет. Я серьёзная собака. У меня вытянутая фигура и сложный внутренний мир.

Тата посмотрела на таксу. Потом на ошейник. Потом снова на таксу.

— Груша, я с вами полностью согласна. Но мне на работу.

— Всем вечно некогда, — обиженно сказала такса. — А потом удивляются, почему у собак депрессия.

На улицу Тата вышла со странным чувством. Когда у тебя дома внезапно заговаривает кот, ещё можно заподозрить личный нервный срыв, но если на лестничной площадке с хозяйкой спорит такса, проблема явно приобрела системный характер.

* * *

На остановке она стояла и думала о том, что мир окончательно рехнулся. Автобус 315-й опоздал на десять минут. Когда он подъехал, из дверей вывалился взмыленный водитель и заорал:

— Граждане, у кого в сумках говорящие животные — держите их при себе! У меня попугай пассажирки всю дорогу комментировал мой стиль вождения!

В салоне действительно сидела женщина с клеткой на коленях. Попугай прижался к прутьям и вещал на весь автобус:

— Поворотник! Поворотник включи, водила! Ты по правам ездишь или по навигатору?!

— Уберите его, — взмолился водитель. — Или я его в Горводоканал сдам. Пусть там трубы комментирует.

* * *

Устроившись у окна, Тата закрыла глаза и подумала: «Среда была странной, но четверг, похоже, решил её переплюнуть».

И очень скоро выяснилось, что она не ошиблась.

В МФЦ её встретил Лёха. У него был вид человека, который всю ночь не спал, но не от бессонницы, а от восторга.

— Тат! Тат, ты не поверишь! У меня хомяк заговорил!

— У тебя есть хомяк?

— С марта. Борис. Он вчера ночью постучал по стеклу аквариума и сказал: «Колесо скрипит. Смажь.»

— И ты смазал?

— Я сначала сел на пол и минуту дышал в пакет. Потом смазал. Борис сказал «спасибо» и ушёл спать. Таш, это же контент на миллион просмотров!

— Лёха, если ты выложишь видео с говорящим хомяком, у тебя будут не просмотры, а визит из Роспотребнадзора.

— Ты думаешь?

— Я знаю.

* * *

Зарина Маратовна уже была на месте. Она разговаривала сразу по двум телефонам и выглядела так, словно мысленно составляла расстрельный список.

— Коржикова, — она прикрыла трубку ладонью. — У нас лавина. Тракторный, Сокол, центр. Говорящие животные, молодеющая мебель, бабушка из девятого дома помолодела до сорока лет.

— Что?

— Бабушка. Кукушкина. Антонина Фёдоровна. Помнишь, которая борщ варила? Она этой водой умылась. И проснулась сегодня утром в теле сорокалетней женщины. Сейчас сидит в приёмной и требует пересчитать пенсию.

— Ей же семьдесят два...

— Было семьдесят два. Сейчас она выглядит моложе меня. И у неё, я цитирую, «колени не хрустят впервые за тридцать лет». Она в восторге, но пенсию терять не хочет. Иди разбирайся.

Ровно в восемь ноль-нуль открылось окно номер двадцать шесть, и перед ним немедленно выстроилась очередь, напоминавшая съезд клуба анонимных сумасшедших.

В кресле перед Татой сидела Антонина Фёдоровна — вернее, женщина, в которой Тата ни за что не узнала бы вчерашнюю посетительницу, если бы не знакомая авоська с банками и фирменный пуховый платок.

— Антонина Фёдоровна? — осторожно спросила Тата.

— А кто ж ещё, милая? — ответил знакомый голос из незнакомого лица. Лицо было гладкое, румяное, без единой морщины. Руки — крепкие, без пятен. Глаза — ясные, как у студентки.

— Вы... помолодели.

— Да ты что? — Антонина Фёдоровна хохотнула. — А я думала, это у меня утюг новый.

Тата смотрела на неё и не знала, смеяться или плакать.

— Антонина Фёдоровна, как это произошло?

— Да как, как. Воду горячую вчера отключили, я холодной умылась. Из крана. А она сладкая такая, приятная. Я ещё подумала — надо же, отличная вода стала, что ли фильтры поменяли. Легла спать. А утром встала — и вот.

— И вы хотите...

— Пенсию, Наталья. Пенсию. Я сорок лет отработала на трубном заводе. Я свою пенсию заслужила. А теперь что? Мне новый паспорт делать? С новым лицом? А старые документы? А поликлиника? Они же меня не примут!

Представив масштаб проблемы, Тата почувствовала, как бутерброд с двойным сыром тяжело ворочается в желудке. Молодильная вода добралась до обычного водопровода, и люди теперь молодели без всякого контроля. Это уже не походило на рядовую коммунальную аварию: город столкнулся с кризисом одновременно юридическим, документальным и экзистенциальным.

— Антонина Фёдоровна, я оформлю ваше заявление, — сказала Тата. — Но предупреждаю: прецедентов нет. Закон не предусматривает ситуацию, когда гражданин молодеет на тридцать лет за одну ночь.

— А закон предусматривает, что из крана течёт магическая вода?

— Тоже нет.

— Ну вот. Тогда выдумывайте. Вы же тут для этого и сидите.

После Антонины Фёдоровны ситуация стала ещё причудливее.

Следующим к окну подошёл хмурый мужчина в пиджаке поверх спортивной футболки. Он держал переноску, из которой доносилось ритмичное, весьма недовольное сопение.

— Доброе утро, — Татьяна Петровна дежурно улыбнулась. — Слушаю вас.

— Я хочу оформить смену собственника на квартиру, — сказал мужчина, ставя переноску на край стола.

— Документы?

— Документы у меня есть. Проблема в другом. Мой мопс против.

Из переноски высунулась кудрявая белая морда и отчётливо, с лёгкой картавостью, произнесла:

— Я не против продажи, Валерий. Я против того, чтобы мы переезжали в район без нормальных парков. Там негде гулять приличной собаке. Одна арматура и гномы с кувал-

дами. Мои нервы этого не выдержат.

Тата посмотрела на мопса. Мопс посмотрел на Тату.

— Девушка, — обратился к ней пёс. — Объясните этому человеку, что собака — полноправный член семьи. У меня лапки, но у меня есть права.

— У вас нет прав собственности, — автоматически ответила Тата, доставая бланк. — Вы имущество.

— Я имущество?! — возмутился мопс. — Я утешал его после развода! Я доедал его горелые сосиски три года! Да я в эту квартиру душу вложил!

Мужчина виновато развёл руками.

— Вот так с самого утра. Выпил воды из-под крана — и всё. Теперь он требует отдельную комнату и право вето на выбор обоев. Я не могу продать квартиру, пока он мне мозг выносит. Выпишите мне какую-нибудь справку, что его согласие не нужно.

— Форма 4-А, — вздохнула Тата, протягивая лист. — Заявление об отсутствии обременений со стороны домашних животных. Заполняйте. Мопс расписываться умеет?

— У него лапки! — напомнил мопс с достоинством.

— Значит, ставите прочерк.

На этом череда необычных посетителей не закончилась.

У семьи из Тракторного водопроводные трубы в квартире «помолодели» до состояния заводских и поменяли конфигурацию. Холодная вода теперь шла из горячего крана, горячая — из сливного бачка, а из душа лилось что-то голубое

с запахом ландышей.

— Мы не можем помыться! — жаловалась хозяйка. — Муж полез чинить — труба его обрызгала, и у него морщины на лбу разгладились. Он сначала обрадовался, а потом испугался, что помолодеет до ребёнка.

— До ребёнка — вряд ли, — сказала Тата, хотя уверенности в голосе не было. — Оформляем.

Город постепенно тонул в синей воде, а спасательного круга пока никто не придумал.

* * *

В одиннадцать появился Семён. Не один — за ним шли двое хмурых мужиков в спецовках и тащили на тележке какой-то прибор, похожий на помесь стиральной машины и телескопа.

— Татьяна Петровна, — Семён подошёл к её окну. Выглядел он так, будто не спал двое суток. Под глазами тени, щетина гуще, чем вчера. Но голос был тот же — спокойный, ровный. — У нас проблема серьёзнее, чем казалось.

— Насколько серьёзнее?

— Молодильная вода просачивается в обычную водопроводную систему через трещины в породе. Не в одном месте — в десятках. По всему городу. Кто-то или что-то давит на подземный магический горизонт снизу. Давление растёт.

— Что это значит?

— Это значит, что заглушками и изолентой мы больше не обойдёмся. Мне нужен доступ ко всем вашим заявлениям. Карта обращений — по адресам, по датам. Чтобы понять, откуда идёт основной прорыв.

— Я подготовлю.

— Спасибо. И ещё, Татьяна Петровна...

— Да?

Семён помялся. Это было настолько ему несвойственно, что Тата насторожилась.

— У вас дома... вода тоже сладкая?

— Да, — тихо ответила она. — С вечера вторника.

— Не пейте. И не умывайтесь из-под крана. Купите бутилированную.

— Уже купила.

— Хорошо. И... — он замялся снова. — Если у вас кот заговорил, это нормально. В смысле, не нормально, но это побочный эффект. Не пугайтесь.

— Я не пугаюсь, — сказала Тата. — Я в ужасе. Но организованном.

Семён посмотрел на неё и впервые за всё их знакомство улыбнулся. Не широко — просто дрогнул уголок рта. Но Тату этот дрогнувший уголок почему-то согрел больше, чем четыре эклера.

День прошёл как в тумане. Заявления. Звонки. Паника граждан. В два часа дня в МФЦ ворвалась женщина с пуделем на поводке. Пудель сел у входа и громко сказал Руслану

Ибрагимовичу:

— Здравствуйте. Мне нужна справка о регистрации по месту жительства.

Руслан посмотрел на пуделя. Потом на хозяйку. Потом снова на пуделя.

— Не шуми, — сказал он.

Пудель обиженно замолчал.

К вечеру Тата приняла тридцать одно заявление — личный рекорд, которым совершенно не хотелось гордиться.

В шесть часов Зарина Маратовна вызвала Тату к себе. Кабинет начальницы был маленьким, но безупречно организованным, как и его хозяйка: ни одной лишней бумажки на столе, ни пылинки на жалюзи. Единственной вольностью оставалась фотография рыжего кота в рамке на подоконнике.

— Садись, Коржикова, — Зарина указала на стул. — Разговор серьёзный.

Тата села на предложенный стул, и тот недовольно скрипнул.

* * *

— Ситуация следующая, — Зарина сложила руки перед собой. — Администрация города создаёт рабочую группу по ликвидации последствий аномального водоснабжения. Горводоканал выделяет инженерную бригаду. МФЦ — координационный центр по работе с обращениями граждан. И ко-

ординатором от нас назначаешься ты.

— Я? — Тата моргнула.

— Ты, Коржикова. На тебя возлагается координация между МФЦ и Горводоканалом по всем заявлениям, связанным с аномальной водой. Будешь работать напрямую с Трубниковым. Это не повышение. Это наказание. Но с премией.

— Зарина Маратовна, почему я?

— Потому что ты единственная в этом здании, кто не рыдает, не орёт и не увольняется. У меня Лёха снимает тиктоки с говорящими хомяками, Нина Павловна беседует с призраками о конце света, а стажёрки прячутся в туалете с восьми утра.

Зарина помолчала и добавила тише:

— И потому что ты умеешь, Коржикова. Ты умеешь находить выход там, где его нет. Ты из тролля поэта сделала, из чугунной трубы — акт осмотра, из синей лужи — входящий документ с номером. Мне нужен человек, который превращает хаос в бумагу. А бумагу — в порядок.

Тата молча смотрела на начальницу, чувствуя, как к горлу подступает ком. Страх здесь был ни при чём; скорее, она впервые за долгое время услышала, что её работа действительно чего-то стоит.

— Иди, — Зарина отвернулась к окну. — И не ешь на нервах. У тебя блузка по швам трещит.

Тата встала.

— Она трещит от ответственности, Зарина Маратовна. Не

от еды.

— Это одно и то же, Коржикова. Иди.

Дома Файл ждал на кухонном столе. Рядом с ним стояла пустая миска и бутылка минералки, которую он каким-то образом открыл самостоятельно.

— Как день? — спросил кот.

— Паршивый. Меня назначили спасать город.

— Логично. Больше некому.

— Спасибо за поддержку.

— Пожалуйста. Корм купила?

— Забыла.

— Тогда поддержка отменяется.

Тата устроилась на диване, поджала ноги и уставилась в потолок. Уже завтра ей предстояло координировать работу муниципального учреждения и Горводоканала посреди магической катастрофы, масштаб которой она пока даже не представляла.

Она была обычным чиновником, а вовсе не магом, воином или избранной. Просто женщина с ипотекой, вредным котом и почти сверхъестественным умением находить нужный пункт в регламенте.

И всё же именно такие люди ежедневно удерживали мир от окончательного хаоса — без фанфар и героических речей, между обедом и очередным приёмом граждан.

На кухне из крана сорвалась синяя капля и, ударившись о раковину, странно зазвенела.

Файл поднял ухо.

— Начинается, — сказал он.

— Что начинается? — спросила Тата.

— Не знаю. Но шерсть дыбом.

За окном над вечерним Липецком мерцало едва заметное голубое зарево.

Глава 5. «Совещание, которое всё изменило»

Пятничное утро застало Тату Петровну Коржикову на третьем этаже администрации Липецка, в конференц-зале номер два, где ей предстояло участвовать в совещании по чрезвычайной ситуации с водоснабжением.

Тата сидела на жёстком казённом стуле и чувствовала себя не в своей тарелке. Воображаемая тарелка была чужой, дорогой и явно не рассчитанной на её габариты, как, впрочем, и сам стул: узкий, с подлокотниками, он принял Татьяну Петровну с точностью бутылочного горлышка, в которое пытаются втиснуть пробку неподходящего размера. Встать потом без посторонней помощи, вероятно, окажется непросто, но об этом лучше было подумать после совещания.

Зарина Маратовна отправила её сюда с исчерпывающими инструкциями: «Ты координатор, вот и координируй. Протокол веди, рот не открывай, слушай внимательно. Если спросят мнение МФЦ — говори: „Ситуация на контроле“. Универсальная фраза, подходит к любому апокалипсису».

Конференц-зал был большим, казённым и пах тем специфическим ароматом, который бывает только в государственных учреждениях: смесь старого паркета, кофе из термоса и застарелого бюрократического страха. За длинным столом,

покрытым зелёным сукном, рассаживались люди и нелюди, от которых зависела судьба липецкого водоснабжения.

Во главе стола сидел Виктор Степанович Горохов, заместитель главы администрации по ЖКХ: лысый, вспотевший, в костюме, который был велик ему в плечах и мал в талии. Выражение его лица красноречиво сообщало, что до пенсии осталось два года и происходящее в его планы не входило.

Справа расположился директор Горводоканала Пётр Ильич Краснов — сухощавый седой мужчина с лицом человека, который тридцать лет чинил трубы и теперь искренне не понимал, почему те вдруг начали петь.

Рядом с Красновым сидел Семён. Заметив Тату, он кивнул, она ответила тем же, и на этом их утренний ритуал завершился. Однако от короткого обмена взглядами почему-то стало спокойнее.

Напротив Семёна расположился Артур Леонидович Чистяков, директор компании «АкваВита», монополиста по добыче и продаже молодильной воды. Подтянутый и загорелый, он носил костюм дороже месячной зарплаты Таты и выглядел лет на тридцать пять, хотя по паспорту ему исполнилось пятьдесят два. Собственную продукцию он, видимо, употреблял без ограничений, а улыбался широко и совершенно пусто — как менеджер автосалона, которому уже перечислили предоплату.

Чуть дальше сидел представитель НЛМК — молчаливый мужчина в очках. За всё совещание ему предстояло произне-

сти ровно четыре фразы, причём каждая начиналась со слов «Комбинат не несёт ответственности».

Шамиль Водяной сидел на специальном стуле с поддоном — зеленоватый мужик с бородой из водорослей, в резиновых сапогах и официальном пиджаке поверх мокрой рубашки. От него пахло речной водой и илом. Под стулом натекла лужа. Уборщица тётя Клава уже дважды заглядывала в дверь с ведром и шваброй и оба раза уходила, матерясь.

Последним из приглашённых был Дорин Глубокорой, старейшина липецких гномов, которому исполнилось триста восемьдесят лет. Его белая борода доставала до пола и была заплетена в шесть кос, а сам он едва дотягивался до края стола даже с трёх подушек, сложенных стопкой. При этом Дорин держался так, словно именно он здесь главный. Возможно, так оно и было.

Горохов откашлялся.

— Итак, коллеги. Ситуация. Молодильная вода проникла в систему централизованного водоснабжения. На текущий момент затронуты шесть районов. Население... взволновано.

— Взволновано — это мягко, — буркнул Краснов. — У меня телефон не замолкает с понедельника. Люди звонят и спрашивают, можно ли пить воду из крана. Я говорю — нежелательно. Они спрашивают — а если уже выпили? Я говорю — обратитесь к врачу. Они говорят — врач тоже выпил и помолодел на двадцать лет, теперь не может вспомнить, где у него диплом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.